

Как куматойд куматойду...

А. Л. НИКИФОРОВ

Несмотря на внешнюю простоту и кажущуюся ясность, текст М.А. Розова отнюдь не легко понять. Поэтому мои замечания, возможно, вызваны не совсем адекватной интерпретацией его идей.

Уже само выражение «способ бытия семиотических объектов» рождает трудности. Семиотика, как известно, есть наука о знаках и знаковых системах, объектами ее изучения являются знаки. Следовательно, речь идет о «способе бытия» знаков. Но здесь, кажется, нет какой-то особой проблемы. В зависимости от вида знаков — языковые или неязыковые, естественные или искусственные, знаки-копии или знаки-символы — вопрос о «способе их бытия» решается по-разному. Скажем, фотография, т.е. знак-копия, существует не так, как существует дым — знак-признак огня. По-видимому, автора интересует вовсе не вопрос о «способе бытия» знаков, а какой-то иной вопрос. Какой?

Проф. Розов отталкивается от рассмотрения литературных произведений. Это наводит на мысль, что главное для него — это вопрос о «способе бытия» содержания литературных текстов. В каком смысле существуют персонажи и события, скажем, «Анны Карениной»: прелестная Анна, красавец Вронский, добродетельный Левин, их взаимоотношения и эпизоды их жизни, любовь и смерть Анны? Семиотический объект — текст романа Л. Толстого — существует в виде некоторой системы значков, напечатанных типографской краской на бумаге. Но ведь знак «Анна Каренина» и сама Анна — разные вещи. Слова напечатаны, они существуют в виде знака. Но как существует сама Анна? Насколько я понимаю, именно этот или близкий к этому вопрос послужил исходным пунктом для рассуждений проф. Розова.

72

Это действительно фундаментальный и интересный вопрос: как существуют и существуют ли вообще значения литературных текстов? Когда речь идет о словах, относящихся к реальным объектам, их значение, как принято считать, расщепляется на денотат и смысл. Можно считать, что денотаты — столы, стулья, люди, горы — существуют, неясность возникает только в отношении смыслов. Но значение литературного произведения трудно расщепить таким образом. Ведь Анна Каренина или принц Гамлет никогда не существовали, более того, заведомо предполагается, что они и не могли существовать, иначе мы получили бы не литературу, а историю. И, тем не менее, кажется, что они как-то существуют. Как? Как они связаны с текстом-знаком? Как благодаря тексту мы узнаем об их существовании? Все это чрезвычайно интересные и трудные вопросы. Проф. Розов совершенно справедливо замечает, что ни физиология мозга, ни «третий мир» К. Поппера не дают удовлетворительного ответа на эти вопросы. Кажется, у автора есть свой ответ.

К сожалению, конструируя свой ответ, проф. Розов непомерно расширяет область своего рассмотрения и к литературным произведениям добавляет слова быденного языка, научные термины и теории, социальные учреждения и вообще все социальные явления. Теперь он имеет в виду некоторые устойчивые социальные структуры, элементами которых являются люди. Люди могут меняться, структура сохраняется. Образцовым примером может служить наш Институт философии: есть директор, его заместители, заведующие отделами, заведующие секторами и лабораториями, научные сотрудники. Разные люди на протяжении шестидесяти лет работали на разных должностях в Институте, переходили с одной должности на другую, но его структура в целом оставалась неизменной.

Каждая должность связана с выполнением определенных функций или, как выражается проф. Розов, программ. Каждый новый человек воспроизводит соответствующую программу по предыдущим образцам. Институт в целом также представляет собой программу. Вот такого рода объекты проф. Розов называет «социальными куматойдами». Ну что ж, слово звучит неплохо. И вот ре-

шение: «Основной наш тезис состоит в следующем: все семиотические образования — от простого знака до художественных произведений и научных теорий — это социальные куматоиды. Это социальные программы, базовым механизмом которых является воспроизведение непосредственных образцов.

73

Утверждая это, мы как раз и решаем проблему способа бытия семиотических объектов. Думаю, что в рамках гуманитарных наук этот тезис столь же важен, как утверждение, что свет — это электромагнитные волны, в рамках физики».

Итак, семиотический объект — отдельный знак, предложение, роман или научная теория — существует как некая программа деятельности, воспроизводящая какой-то непосредственный образец.

Конечно, все социальные явления так или иначе связаны с деятельностью человека, поэтому возникает искушение при их истолковании обратиться к понятию деятельности. В отечественной философии этот так называемый «деятельностный» подход развивается в течение, по крайней мере, последних пятидесяти лет. Проф. Розов следует именно этой традиции. Но, к сожалению, представленная им концепция страдает всеми слабостями и недостатками этого подхода. Если кратко выразить его основной недостаток, то он состоит в следующем: сказать, что некое социальное явление как-то связано с деятельностью, является ее продуктом или программой, значит ничего не добавить к пониманию этого явления, это — тривиальность. Когда мне говорят, что роман Толстого — это программа деятельности, воспроизводящая некий образец, добавляет ли это что-нибудь к моему пониманию этого романа? Думаю, что нет. Бессодержательность, тривиальность решения проф. Розовым поставленных им интересных вопросов вполне естественна, он и не мог сказать ничего существенного.

Начать с того, что далеко не все социальные явления можно отнести к семиотическим объектам. Конечно, при некотором усилии воображения можно во всех явлениях усмотреть некоторую знаковую природу, но все-таки текст, административная должность, учреждение — слишком разные вещи. Вряд ли семиотика может многое сказать о финансовых учреждениях, промышленных предприятиях и т.п. Обозвать одним словом «куматоиды» все социальные явления значит подняться на такую высоту абстракции, с которой уже не видны различия между ними, с которой все они предстают как нечто одинаковое. Да, при этом возникает восхитительное чувство, будто ты все понимаешь, суть каждой вещи тебе ясна — это куматоид или система, единство противоположностей, процесс или что-то еще столь же общее, столь же универсальное. Но это иллюзия понимания, ибо то общее, что ты усматриваешь во всех вещах, слишком абстрактно, бедно и сводится к тривиальности. Сказать, что все социальные явления представляют собой программы деятельности, означает сказать простую

74

вещь: мы наследуем социальную жизнь от прошлого, проживаем ее в своем настоящем и передаем последующему поколению.

Почему-то проф. Розов все социальные программы связывает с воспроизведением непосредственных образцов. Можно согласиться с тем, что в некоторых случаях это так: когда мы учимся, скажем, писать, ездить на велосипеде или автомобиле, печь пироги или жарить мясо, то сначала мы действительно копируем действия учителя, инструктора, своей бабушки. Но при более сложных видах деятельности мы отнюдь не копируем тех, кто занимался ими раньше. Я думаю, нынешний директор нашего Института отнюдь не копирует стиль и способы руководства Г.Ф. Александрова и иных своих предшественников на этом посту. Токарь на заводе, продавец в магазине, уборщица в метро, администраторы и управленцы разных уровней следуют служебным инструк-

циям, а не образцам. Я не знаю, почему для проф. Розова важно следование именно образцам. Кажется, это происходит в слишком редких случаях и к тому же — что особенно важно — полностью закрывает дорогу к пониманию творчества, т.е. к созданию, если угодно, новых образцов.

Мы с проф. Розовым тоже, конечно, два куматоида, ибо воспроизводим какие-то программы жизнедеятельности, постоянно изменяясь физически. И как куматоид куматоиду я должен сказать: подход интересный и многообещающий, но обещания еще нужно выполнить. Для каждого отдельного класса социальных куматоидов нужно показать, какая программа в них заложена, из какого образца она исходит, как транслируется эта программа и т.д. Вот тогда, быть может, мы узнаем что-то новое о тех или иных социальных явлениях. Пока перед нами только обещания.